

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.19

Правильная ссылка на статью:

Костенко В. В. Интерсекциональность в количественных социальных науках: эссе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 382—393. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.19>.

For citation:

Kostenko V. V. (2019) Intersectionality in Quantitative Social Sciences: An Essay. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 382—393. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.19>.

В. В. Костенко ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ В КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: ЭССЕ

ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ В КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: ЭССЕ

INTERSECTIONALITY IN QUANTITATIVE SOCIAL SCIENCES: AN ESSAY

КОСТЕНКО Вероника Викторовна — кандидат социологических наук, доцент факультета социологии и философии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: veronika.kostenko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4560-7530>

Veronika V. KOSTENKO^{1,2} — *Cand. Sci. (Soc. Sci.), Associate Professor, Department of Sociology and Philosophy; Associate Professor, Department of Sociology*
E-MAIL: veronika.kostenko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4560-7530>

¹ European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

² National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Интерсекциональность за последние годы стала одним из ключевых подходов для феминистских научных работ. При этом вне гендерных исследований данный термин еще недостаточно известен, несмотря на его сильную теоретическую проработку и потенциально большой вклад интерсекционального подхода в понимание неравенств. Хотя гендерная повестка хорошо заметна в публичном дискурсе, для академических исследований она по-прежнему остается нишевой и недостаточно влияет на теоретическое осмысление социальных процессов. Одним из способов донесения этой повестки до широкого круга ученых может стать приложение интерсекционального подхода к количественным данным вообще и к данным массовых опросов в частности.

Ключевые слова: интерсекциональность, теория пересечений, количественные методы, массовые опросы, антикатегориальный подход, интракатегориальный подход, интеркатегориальный подход, интерактивные эффекты, многоуровневое моделирование, феминистская критика

Abstract. Intersectionality has recently become one of the key approaches in contemporary feminist scientific works. However, despite a solid theoretical foundation and a potential for exploring inequalities, little is known about the notion beyond gender studies. Gender agenda is getting more and more visible in the public discourse; however it still represents a niche area and does not have enough impact on the rethinking of social processes. One of the ways to bring this agenda to the attention of a broader academic community may be applying intersectionality within quantitative data in general and public opinion surveys in particular.

Keywords: intersectionality, quantitative methods, opinion polls, anticategorical approach, intracategorical approach, intercategory approach, interaction effects, multilevel models, feminist criticism,

Термин «интерсекциональность» был впервые использован американской исследовательницей Кимберли Креншоу в 1989 г. для описания особого положения чернокожих женщин в Америке, чей опыт не равен опыту белых женщин и чернокожих мужчин, а также не является суммой опыта этих двух категорий [Crenshaw, 1989]. В свою очередь, Патришия Хилл Коллинз многое сделала для развития и популяризации идеи интерсекциональности — в первую очередь благодаря введению понятия «матрица доминирования» (или «матрица власти»). Кроме того, она показала, как метафора «дома» структурирует матрицу неравенств и примеряет с ней большинство [Collins, 1998]. С тех пор интерсекциональный подход развивается в сторону изучения пересечений всевозможных категорий. Спектр исследований, выполненных в данной парадигме, весьма широк: от изучения гомосексуальных мигрантов [Ghavami, Katsiaficas, Rogers, 2016] до уязвимости бездомных женщин в чрезвычайных ситуациях [Vickery, 2018].

Как пишет социолог Мира Ферри, подход или рамка может считаться интерсекциональной, «если она принимает множественность отношений неравенства как норму, видит, что эти отношения взаимно обусловлены, и учитывает то, как они определяют идентичности и опыт, а следовательно — формируют аналитическую позицию индивидов и групп» [Ferree, 2010: 428]. Гендерная исследовательница и психолог Элизабет Коул определяет интерсекциональность как «аналитический подход, который одновременно учитывает значение и последствия множественных категорий идентичности, различия и неравенства» [Cole, 2009: 170]. Поскольку в основе интерсекционального подхода лежит идея «матрицы власти», ключевые теоретики не мыслят этой повестки вне изучения неравенств.

На ноябрь 2019 г. Google Scholar индексирует порядка 4,5 тысяч научных работ, в заголовке которых значится термин «интерсекциональность». Последний теперь понимается намного шире, чем просто пересечение гендера и расы. В русскоязычной литературе также иногда используется термин «теория пересечений» [Аланен, 2018], однако даже с его учетом число использований понятия «интерсекциональность» в русскоязычных научных статьях минимально — меньше сотни.

Ключевая работа, в которой впервые на русском языке было подробно рассказано о данном подходе, — статья Анны Темкиной и Елены Здравомысловой «Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях». В ней подробно объясняется значение и роль интерсекциональности, а также новизна этого подхода: «...Механизмы воспроизводства неравенства — экономического, этнического, гендерного — действуют не изолированно, а взаимно обуславливают друг друга, (вос)создавая комплексную матрицу властных отношений и позиций» [Темкина, Здравомыслова, 2017: 18]. Авторы показывают реальные примеры использования подхода в российском контексте, а также говорят о его мощном эвристическом потенциале для изучения сконструированных ролей в условиях возрастающего классового неравенства в России. Темкина и Здравомыслова также отмечают сложность эмпирического применения интерсекционального подхода и тот факт, что его использование ограничивается преимущественно качественной методологией (особенно в рамках кейс-стади негативно привилегированных групп).

Не менее важная статья Татьяны Гаврилюк и Владислава Бочарова [Гаврилюк, Бочаров, 2018] продолжает работу по укоренению интерсекционального подхода в российских социальных исследованиях, постулируя особый интерес к пересечению категорий класса, возраста и гендера. Целый ряд работ Ирины Тартаковской с коллегами используют эту же аналитическую рамку для изучения пересечения возраста, образования и гендера (например, [Тартаковская, 2015; Ashwin et al., 2013]). Керрин Белл [2018] проводит сложное исследование связи насилия в российской тюрьме и пересечения этничности, расы и гендера.

Тем не менее, как уже было замечено, и российские, и зарубежные работы выполнены преимущественно качественными методами анализа. Выбор качественных методов, как представляется, обусловлен двумя основными причинами: это генезис интерсекциональности — то есть ее происхождение из феминистской теории, где также преимущественно выбираются качественные методы, — а также вопросы категоризации или отказа от нее.

Категоризация и интерсекциональность

Ключевой вопрос интерсекциональных исследований — вопрос категоризации. Дело в том, что для исследования пересечений категорий эти самые категории необходимо сначала определить. Сами респонденты могут не мыслить себя в тех категориях, которыми их наделяют исследователи [Helms, Jernigan, Mascher, 2005]. В социальных науках есть целая дискуссия о приписанных и самоопределяемых категориях [Deacon, 2006; Bailey, Loveman, Muniz, 2013; Daugherty, Jackson, 2017].

Так или иначе, любая категоризация вызывает понятное и ожидаемое сопротивление респондентов. Так, все больше людей не отождествляют себя с бинарными категориями гендера, не говоря уже о таких бесконечно спорных категориях, как раса, миграционный статус и религиозная принадлежность. Вопрос об экономическом статусе/классе/доходе считается одним из самых сложных для категоризации (и последующего объективного измерения) в социальных науках [Diemer et al., 2013]. Как показывает в своей работе Лесли МакКол [McCall, 2005], существует три основных подхода к категоризации: антикатегориальный, интракатегориальный и интеркатегориальный (межкатегориальный).

Антикатегориальный (anticategorical) подход предполагает, что любое деление людей на категории усиливает неравенство, поэтому необходимо отказаться от него в принципе и не использовать категории в социальном анализе. Усиление неравенства связано с использованием «ярлыков» и их легитимацией в научной литературе. «Ярлыки» в исследовании «доказывают», что те или иные группы «хуже» других. Многое зависит от исследовательской позиции, а она также может быть подвержена стереотипам [см. Helms et al., 2005]. Приписывание категорий во многих исследованиях только усиливает критику.

Интракатегориальный (intracategorical) анализ признает существование властных иерархий и их пересечений. Однако в рамках этого подхода предлагается устанавливать связанные с контекстом рамки и изучать некоторую группу (например, бедных женщин в гетто определенного города) изолированно, с использованием качественной методологии.

Третий подход — *межкатегориальный* (intercategorical) — признает не только существование властных иерархий, но и их реальное влияние на возможности людей через механизмы дискриминации. Таким образом, в рамках этого подхода предполагается, что сконструированные категории (например, гендера, расы или этничности) воспринимаются в обществе как реальные, и потому имеют реальные последствия, которые можно и нужно изучать. В противном случае исследователи будут просто игнорировать реальность.

Практические исследования возможны только в рамках интракатегориального и межкатегориального подходов. Как отмечает Нилс Спирингс [Spierings, 2012], последний подход не исключает возможности использования количественных (в первую очередь опросных) данных для интерсекционального исследования неравенств с помощью регрессионного анализа и более продвинутых статистических методов. Единственное реальное препятствие на этом пути имеет скорее эпистемологическую, чем теоретическую или техническую природу: оно связано с феминистской критикой количественных методов.

Совмещающая интерсекциональность и количественные методы

В феминистской традиции существует серьезное недоверие к количественному анализу социальных данных и к фальсифицируемым (в куновском смысле [Кун, 2003]) методам. Это связано с историей развития опросных данных, которые в течение десятилетий опирались на позитивистские теории [McCall, 2005: 1791], а также выполнялись преимущественно мужчинами и были гендерно нечувствительны [Grant et al., 1987]. Авторы, стоящие на данной позиции, полагают, что «интерсекциональность лучше понимать как критическую теорию/подход и не концептуализировать ее как фальсифицируемую теорию в позитивистском смысле» [Else-Quest, Hyde, 2016a: 159]. Несмотря на то, что современные количественные методы включают в себя более широкий спектр данных (административные, сетевые, интернет-данные), феминистская критика позитивизма применима и к ним.

Другим важным источником критики использования количественных техник в рамках интерсекциональной парадигмы является то, что они нередко приводят к генерализации. Многие исследования, основанные на опросных данных, «грешат» тем, что авторы напрямую ассоциируют респондентов с крупной категорией, к которой они принадлежат. Нередко эти категории приписываются самими интервьюерами: например, у респондента не спрашивают о его гендере, а ставят «на глаз»; в американских исследованиях то же самое нередко происходит с расой [Smith, 1997]. Это достаточно сильный аргумент, поскольку в политологии и социологии исследователи действительно нередко делают далеко идущие выводы на основе грубой группировки (например, на три расы, два миграционных статуса, два — три — четыре экономических класса, и т. д.). Однако вместо того, чтобы строго предпочитать количественным методам качественные [Bowleg, 2008], некоторые коллеги предлагают рассматривать эту особенность количественных данных как исследовательскую проблему, а не как приговор. Использование новых, более тонких категоризаций, а также их множественных пересечений — это еще один путь сопротивления существующему способу осмысления отношений власти и доминирования [Spierings, 2012].

Почему важно совмещать количественные методы анализа данных и интерсекциональную оптику? Можно назвать несколько основных причин:

1. Предлагаемый синтез может поспособствовать значительной демаргинализации крупной феминистской теории [McCall, 2008], выходу из гетто [hooks, 2000]. Более того, взаимная интеграция количественной методологии и интерсекциональной теории может значительно помочь преодолению признанных проблем с эмпирической валидностью последней [Nash, 2008].
2. Интерсекциональная теория постепенно обогащается огромным эмпирическим материалом, накопленным опросными и другими количественными исследованиями [Dubrow, 2008].
3. С другой стороны, существующие теоретические подходы к анализу опросных данных также будут обогащены. Если сейчас речь идет о преимущественно позитивистском взгляде (например, пересмотренная теория модернизации), то интерсекциональная рамка влечет за собой более рефлексивные подходы.
4. Взаимная интеграция также предоставит возможность кросс-культурного анализа, а значит — привлечение контекста, о чем так много говорят

- (но мало делают) проponentы интерсекциональности. Многоуровневые модели с переменными на втором (третьем) уровне — особенно в исследованиях миграции, школ, межстрановых сравнений ценностей и установок.
5. Наконец, это также возможность тонких пересечений (интерактивные эффекты), в том числе межуровневых (например, количество школ влияет на образовательные шансы мальчиков и девочек по-разному). Сравнение четырех и более групп.

Интерактивные эффекты как основной метод включения интерсекциональности в количественные исследования

Для социологов, работающих с количественными методами, интерактивные эффекты кажутся идеальным методом для изучения групп, дискриминируемых по множественным основаниям. Данный метод позволяет изолировать «основные эффекты», например, общее влияние гендера от специфических для той конкретной группы, которую они изучают (сочетающей две-три характеристики одновременно). Хотя метод интерактивных эффектов разрабатывается методологами еще с 1980-х годов, особенную популярность он приобрел в 2000-х с совершенствованием компьютеров [см. Jaccard, Turissi, 2003]. В последние годы интерактивные эффекты массово используются в регрессионном моделировании, им учат на базовых курсах статистики, однако долгое время интерпретация этих эффектов была мало связана с социологической теорией. Вместе с тем изолирование влияния каждой социальной категории (основного эффекта) — это ключевой компонент интерсекциональной логики параллельно с исследованием мультипликативного (интерактивного) эффекта [Shields, 2008]. Таким образом, именно в русле интерсекционального подхода можно проинтерпретировать результаты регрессионного моделирования с интерактивными эффектами так, чтобы подтвердить или опровергнуть исследовательскую гипотезу.

Однако не следует думать, что простая замена сложения на умножение в регрессионной формуле сразу сделает исследование интерсекциональным. Леа Уорнер и Стефани Шилдс первыми отметили, что простого умножения эффектов социально сконструированных категорий, таких как раса, этничность, сексуальность, гендер или класс, недостаточно [Warner, Shields, 2013]. Для того чтобы исследование стало интерсекциональным, оно должно соответствовать еще двум условиям: анализировать отношения власти и неравенства, включать социальный контекст, и, кроме того, учитывать текучую природу границ между категориями (то есть один и тот же человек может отождествлять себя с разными категориями в разные моменты жизни). Николь Элс-Куэст и Джанет Хайд подкрепляют эти аргументы примерами из реальных исследований [Else-Quest, Hyde, 2016b]. В первой части той же статьи они отмечают, что «интерсекциональный подход может включать анализ основных, интерактивных и интерсекциональных эффектов» [Else-Quest, Hyde, 2016a: 162]. Под *основными* (additive) эффектами они понимают, например, влияние класса, одинаковое для всех. Под *интерактивными* (multiplicative) имеются в виду категории, появляющиеся в результате умножения двух и более категорий. Например, умножение класса и гендера, если обе эти характеристики бинарны, создает четыре категории: бедные женщины, бедные мужчины, обеспеченные женщины

и обеспеченные мужчины. Наконец, под *интерсекциональными* (intersectional) эффектами они понимают то специальное внимание, которое исследователь должен обратить на контекст, в котором существует одна или несколько из получившихся в результате умножения групп, поскольку опыт каждой из них может быть принципиально разным. Контекстуализация в количественном анализе опросных данных в основном осуществляется при помощи многоуровневого моделирования.

Многоуровневые модели в интерсекциональных исследованиях

Существующие статистические техники дают широкие возможности исследовать проблемы, находящиеся в центре внимания интерсекциональных исследователей, и двух- или трехуровневый регрессионный анализ здесь становится одним из наиболее оптимальных решений [Else-Quest, Hyde, 2016b]. Многоуровневое регрессионное моделирование позволяет учесть влияние контекста и с помощью переменных на групповом уровне смоделировать, какие именно характеристики этого контекста влияют на зависимую переменную. Например, при изучении выбора женщинами своей траектории на рынке труда исследователь может учитывать не только характеристики самой респондентки (переменные индивидуального уровня), такие как уровень образования, брачный статус, наличие и возраст детей, но также и контекст (переменные группового/странового уровня): структура занятости в данном обществе, обеспечение равного доступа на государственном уровне, процент женщин в парламенте и на руководящих позициях [Spierings, 2012].

Габриэль Винкер и Нина Дегеле показывают, как продуктивно может быть разнесение по разным уровням анализа определенных социальных маркеров — например, религиозности [Winker, Degele, 2011]. Добавление предикторов на страновом уровне (например, уровня религиозности в стране вдобавок к личной религиозности индивида) позволяет лучше понять, как устроены социальные структуры и какое давление на членов общества они оказывают.

Включение интерактивных эффектов, особенно межуровневых, дает возможность проверять влияние контекста — например, процент исламского населения может оказывать различное влияние на гендерные установки мужчин и женщин в каждой стране. Таким образом, многоуровневое моделирование с интерактивными эффектами позволяет говорить об интерсекциональности в терминах противостояния (или совпадения) структуры и индивидуальной агентности [Ferree, 2009].

К этой литературе можно добавить, что неиерархические многоуровневые регрессионные модели могут быть даже более уместны для решения таких задач, поскольку в них мы эксплицитно признаем возможное наличие нескольких идентичностей у одного респондента. Например, в миграционных исследованиях возможность учесть характеристики страны происхождения и страны проживания для каждого мигранта позволяет контекстуализировать те находки, которые в противном случае оказывались бы слишком общими, а также сравнивать их между собой. Это значит, например, что установки женщины, эмигрировавшей из Алжира во Францию, могут частично быть похожими на установки алжирцев, оставшихся в стране, частично — на установки французов, а некоторые будут сформированы ее уникальным положением женщины-мигрантки в том конкретном локальном сообществе, в котором она оказалась. Помимо этого, некоторые ее взгляды будут определяться

ее возрастом, социальным положением, брачным статусом и пересечением всех этих категорий. Блестящий пример интерсекционального исследования миграции с учетом характеристик принимающих и отправляющих обществ см. [van Tubergen, Maas, Flap, 2004]. В этом исследовании авторы одновременно учитывают контекст принимающего и отправляющего обществ, а также той мигрантской группы, в которой мигранты живут. Авторы показывают, как у формально идентичных условий возможны противоположные последствия для разных групп.

Приведем еще несколько удачных примеров использования интерсекционального подхода в количественных исследованиях. Майте Тапия и Габриелла Альберти [Tapia, Alberti, 2019] анализируют роль мигрантов в профсоюзных организациях, показывая уязвимость этой группы работников (и особенно работниц) даже внутри той структуры, которая призвана их защищать. Джоан Мерло использует многоуровневое моделирование, чтобы изучать вес людей и его связь с их здоровьем и социально-экономическим положением [Merlo, 2018]. Она показывает, что для эпидемиологии интерсекциональный подход может стать «золотым стандартом», поскольку объясняет намного больше различий, чем традиционные медико-социальные исследования. Лорен Шудде проводит метаанализ интерсекциональных количественных исследований в области образования и показывает их реальные проблемы [Schudde, 2018]. В их числе нечувствительность составителей опросников к феминистской/интерсекциональной оптике, малый размер отдельных групп при множественных пересечениях, трудность статистической интерпретации множественных взаимодействий, взвешивание данных в больших опросных базах.

Заключение

В последние годы интерсекциональность набирает популярность в феминистских и гендерных исследованиях за рубежом и, в значительно меньшей степени, в России, перетекая благодаря своему мощному эвристическому потенциалу в исследовательские сферы, непосредственно не связанные с гендерной тематикой. Как считает Лесли МакКол, «интерсекциональность — это важнейший вклад женских исследований в социальную теорию» [McCall, 2005: 1771]. Этот подход был выработан в русле качественных исследований и в феминистской оптике. Основные работы в данной парадигме используют интракатегориальный подход, то есть изучают одну группу, ограниченную несколькими характеристиками (например, женщины-мигрантки или ВИЧ-инфицированные бездомные). Однако благодаря силе обсуждаемой парадигмы, все больше ученых, непосредственно не занимающихся гендерными исследованиями, применяют интерсекциональную оптику к своим данным. Это не только делает их работы более тонкими и рефлексивными с теоретической и эмпирической точек зрения, но также дает дополнительные импульсы для развития самого интерсекционального подхода. Накопленный объем материалов количественных опросов таков, что у нас уже есть возможность проверить множество гипотез в различных культурных контекстах, учитывая характеристики стран, динамику и множество индивидуальных характеристик респондентов.

Начавшееся в последние годы использование количественных данных в интерсекциональных исследованиях свидетельствует о нескольких тенденциях.

Во-первых, оно выводит феминистскую/гендерную повестку в мейнстримную социологию, что, конечно, может стать выдающимся достижением. Во-вторых, оно предлагает более рефлексивную теоретическую рамку тем социальным исследователям, которые сочувствуют феминистским взглядам, но из-за доминирования позитивистской парадигмы не видят возможностей для сочетания этой повестки с эмпирическими исследованиями вне гендерной темы. В-третьих, оно дает мощный инструмент исследователям неравенств, поскольку позволяет контекстуализировать свои находки, особенно в межстрановых сравнительных работах. К сожалению, в российских социальных науках объединение интерсекционального подхода и количественных методов находится на самом раннем этапе, но я убеждена, что такое положение вскоре изменится, ведь этот путь представляется очень перспективным.

Список литературы (References)

Аланен Л. М. Теория пересечений и другие вызовы теоретизирования детства // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 94—97. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030108>.

Alanen L. M. (2018) 'Intersectionality' and Other Challenges to Theorizing Childhood. *Sociological Studies*. No. 3. P. 94—97. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030108>. (In Russ.).

Белл К. Е. Насилие в местах лишения свободы и интерсекциональность факторов расы/национальности и пола // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 1. С. 132—148. <http://doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.132-148>.

Bell K. E. (2018) Prison Violence and the Intersectionality of Race/Ethnicity and Gender. *Actual Problems of Economics and Law*. Vol. 12. No. 1. P. 132—148. <http://doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.132-148>. (In Russ.).

Гаврилюк Т. В., Бочаров В. Ю. Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 3. С. 537—545. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545>.

Gavrilyuk T. V., Bocharov V. Yu. (2018) Intersectionality as a Way of Conceptualizing Gender and Class Inequality. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 16. No. 3. P. 537—545. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545>. (In Russ.).

Кун Т. Структура научных революций. М. : Издательство АСТ, 2003.

Kuhn T. (2003) *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow: AST.

Тартаковская И. Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84—93. http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_5/Tartakovskaya.pdf.

Tartakovskaya I. N. (2015) The Gender Order Reproduction via Career strategies: Intersectional Analyses. *Sociological Studies*. No. 5. P. 84—93. http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_5/Tartakovskaya.pdf. (In Russ.).

Темкина А. А., Здравомыслова Е. А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 5. С. 15—38. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.2>.

Temkina A. A., Zdravomyslova E. A. (2017) Intersectional Turn in Gender Studies. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 20. No. 5. P. 15—38. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.2>. (In Russ.).

Ashwin S., Tartakovskaya I., Ilyina M., Lytkina T. (2013) Gendering Reciprocity: Solving a Puzzle of Nonreciprocation. *Gender & Society*. Vol. 27. No. 3. P. 396—421. <https://doi.org/10.1177/0891243213479444>.

Bailey S. R., Loveman M., Muniz J. O. (2013) Measures of “Race” and the Analysis of Racial Inequality in Brazil. *Social Science Research*. Vol. 42. No. 1. P. 106—119. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.06.006>.

Bowleg L. (2008) When Black + Lesbian + Woman ≠ Black Lesbian Woman: The Methodological Challenges of Qualitative and Quantitative Intersectionality Research. *Sex Roles*. Vol. 59. No. 5—6. P. 312—325. <https://doi.org/10.1007/s11199-008-9400-z>.

Cole E. R. (2009) Intersectionality and Research in Psychology. *American Psychologist*. Vol. 64. No. 3. P. 170—180. <https://doi.org/10.1037/a0014564>.

Collins P. H. (1998) It's All in the Family: Intersections of Gender, Race, and Nation. *Hypatia: A Journal of Feminist Philosophy*. Vol. 13. No. 3. P. 62—82. <https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.1998.tb01370.x>.

Crenshaw K. (1989) Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics. *University of Chicago Legal Forum*. No. 1. P. 139—167. <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclf/vol1989/iss1/8/>.

Daugherty J., Jackson R. L. (2017) Identity Politics. Kim Y. Y. (ed.) *The International Encyclopedia of Intercultural Communication*. Hoboken, NJ: Wiley—Blackwell. <https://doi.org/10.1002/97811118783665.ieicc0222>.

Deacon H. (2006) Towards a Sustainable Theory of Health-Related Stigma: Lessons from the HIV/AIDS Literature. *Journal of Community & Applied Social Psychology*. Vol. 16. No. 6. P. 418—425. <https://doi.org/10.1002/casp.900>.

Diemer M. A., Mistry R. S., Wadsworth M. E., López I., Reimers F. (2013) Best Practices in Conceptualizing and Measuring Social Class in Psychological Research. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. Vol. 13. No. 1. P. 77—113. <https://doi.org/10.1111/asap.12001>.

Dubrow J. K. (2008) How Can We Account for Intersectionality in Quantitative Analysis of Survey Data? Empirical Illustration for Central and Eastern Europe. *ASK: Research and Methods*. Vol. 17. No. 1. P. 85—100. https://kb.osu.edu/bitstream/handle/1811/69557/ASK_2008_85_100.pdf.

Else-Quest N.M., Hyde J. S. (2016a) Intersectionality in Quantitative Psychological Research: I. Theoretical and Epistemological Issues. *Psychology of Women Quarterly*. Vol. 40. No. 2. P. 155—170. <https://doi.org/10.1177/0361684316629797>.

Else-Quest N.M., Hyde J. S. (2016b) Intersectionality in Quantitative Psychological Research: II. Methods and Techniques. *Psychology of Women Quarterly*. Vol. 40. No. 3. P. 319—336. <https://doi.org/10.1177/0361684316647953>.

Ferree M. M. (2009) Inequality, Intersectionality and the Politics of Discourse: Framing Feminist Alliances. In: Lombardo E., Meier P., Verloo M. (eds.) *The Discursive Politics of Gender Equality: Stretching, Bending and Policy-Making*. London: Routledge. P. 106—124. <https://doi.org/10.4324/9780203881330-14>.

Ferree M. M. (2010) Filling the Glass: Gender Perspectives on Families. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 72. No. 3. P. 420—439. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00711.x>.

Ghavami N., Katsiaficas D., Rogers L. O. (2016) Toward an Intersectional Approach in Developmental Science: The Role of Race, Gender, Sexual Orientation, and Immigrant Status. *Advances in Child Development and Behavior*. Vol. 50. P. 31—73. <https://doi.org/10.1016/bs.acdb.2015.12.001>.

Grant L., Ward K. B., Rong X. L. (1987) Is There an Association between Gender and Methods in Sociological Research? *American Sociological Review*. Vol. 52. No. 6. P. 856—862. <https://doi.org/10.2307/2095839>.

Helms J. E., Jernigan M., Mascher J. (2005) The Meaning of Race in Psychology and How to Change It: A Methodological Perspective. *American Psychologist*. Vol. 60. No. 1. P. 27—36. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.60.1.27>.

hooks b. (2000) *Feminist Theory: From Margin to Center*. London: Pluto Press.

Jaccard J., Turrissi R. (2003) *Interaction Effects in Multiple Regression*. Newbury Park: Sage.

McCall L. (2005) The Complexity of Intersectionality. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 30. No. 3. P. 1771—1800. <https://doi.org/10.1086/426800>.

Merlo J. (2018) Multilevel Analysis of Individual Heterogeneity and Discriminatory Accuracy (MAIHDA) within an Intersectional Framework. *Social Science & Medicine*. Vol. 203. P. 74—80. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.12.026>.

Nash J. C. (2008) Re-Thinking Intersectionality. *Feminist Review*. Vol. 89. No. 1. P. 1—15. <https://philpapers.org/archive/NASRI.pdf>.

Shields S. A. (2008) Gender: An Intersectionality Perspective. *Sex Roles*. Vol. 59. No. 5—6. P. 301—311. <https://doi.org/10.1007/s11199-008-9501-8>.

Schudde L. (2018) Heterogeneous Effects in Education: The Promise and Challenge of Incorporating Intersectionality into Quantitative Methodological Approaches. *Review of Research in Education*. Vol. 42. No. 1. P. 72—92. <https://doi.org/10.3102/0091732X18759040>.

Smith T. W. (1997) Measuring Race by Observation and Self-Identification. GSS Methodological Report No. 89. Chicago, I.L.: National Opinion Research Center, University of Chicago.

Spierings N. (2012) The Inclusion of Quantitative Techniques and Diversity in the Mainstream of Feminist Research. *European Journal of Women's Studies*. Vol. 19. No. 3. P. 331—347. <https://doi.org/10.1177/1350506812443621>.

Tapia M., Alberti G. (2019) Unpacking the Category of Migrant Workers in Trade Union Research: A Multi-Level Approach to Migrant Intersectionalities. *Work, Employment and Society*. Vol. 33. No. 2. P. 314—325. <https://doi.org/10.1177/0950017018780589>.

van Tubergen F., Maas I., Flap H. (2004) The Economic Incorporation of Immigrants in 18 Western Societies: Origin, Destination, and Community Effects. *American Sociological Review*. Vol. 69. No. 5. P. 704—727. <https://doi.org/10.1177/000312240406900505>.

Vickery J. (2018) Using an Intersectional Approach to Advance Understanding of Homeless Persons' Vulnerability to Disaster. *Environmental Sociology*. Vol. 4. No. 1. P. 136—147. <https://doi.org/10.1080/23251042.2017.1408549>.

Warner L. R., Shields S. A. (2013) The Intersections of Sexuality, Gender, and Race: Identity Research at the Crossroads. *Sex Roles*. Vol. 68. No. 11—12. P. 803—810. <https://doi.org/10.1007/s11199-013-0281-4>.

Winker G., Degele N. (2011) Intersectionality as Multi-Level Analysis: Dealing with Social Inequality. *European Journal of Women's Studies*. Vol. 18. No. 1. P. 51—66. <https://doi.org/10.1177/1350506810386084>.